Ланге, Н.
Древнее русское уголовное судопроизводство.
1884 г.

50
W g7

W 50/97
W 50/97 ОМБ

ДРЕВНЕЕ

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ

СУДОПРОИЗВОДСТВО

(XIV, XV, XVI И ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКОВЪ).

СОЧИНЕНІЕ

Николая Ланге.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная № 12.
1884.

№ 5/97 ОПБ
ОПБ 9б
Ф/5 8
Ла 543

ДРЕВНЕЕ

РУССКОЕ УГОЛОВНОЕ

СУДОПРОИЗВОДСТВО

(XIV, XV, XVI И ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКОВЪ).

сочиненіе

Николая Ланге.

ОПБ
Ф 81
Библиотека Румянцевского Музея
XX-2978
Ленинград

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная № 12.
1884.

2 8

2007231608

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1) Введеніе. 1
2) Глава первая: судоустройство 11
3) Глава вторая: преступленія и наказанія . 74
4) Глава третья: сыскъ, судъ и управа . . 115
5) Глава четвертая: поручительство и личное задержаніе 123
6) Глава пятая: судопроизводство по сысковымъ дѣламъ 133
7) Глава шестая: судопроизводство по судовымъ дѣламъ 175
8) Глава седьмая: судебныя пошлины . . 228
9) Глава восьмая: заключеніе 240

ВВЕДЕНІЕ.

Всякое древнее уголовное судопроизводство какого бы то ни было народа всегда носитъ въ себѣ слѣды племенной особенности этого народа, и потому не можетъ не представлять нѣкоторыхъ данныхъ для уясненія основныхъ чертъ его духа. Установляя положительныя, иногда строго опредѣленныя, правила относительно вмѣненія преступленій и изобличенія виновныхъ на судѣ, уголовное судопроизводство давно минувшихъ столѣтій, въ самой сущности этихъ правилъ, необходимо обнаруживаетъ, хотя отчасти, характеръ того народа, у котораго оно возникло, его практическій смыслъ и понятія его о правдѣ и справедливости.

По этому изученіе такого судопроизводства, въ связи вообще съ исторіею современнаго ему права, пригодно не для удовлетворенія только праздпаго любопытства поклонниковъ старины, но небезполезно и для людей, облеченныхъ властью, какъ одно изъ средствъ къ познанію ими въ постепенномъ національномъ развитіи того общества, среди котораго имъ приходится дѣйствовать.

Нельзя отрицать, что источникомъ печальныхъ законодательныхъ ошибокъ нерѣдко бываетъ незнаніе народнаго духа. Оно порождаетъ, кромѣ того, шаткость въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, стремленіе къ введенію новизны во что бы то ни стало, и презрѣніе къ старому государственному строю жизни, будто бы вовсе несоотвѣтствующему началамъ современной цивилизаціи. Все это плоды легкомысленнаго уклоненія отъ народнаго міровоззрѣнія разныхъ случайныхъ общественныхъ дѣятелей и полнаго непониманія ими истинныхъ историческихъ условій прочнаго государственнаго прогресса той или другой страны. Въ своемъ недомысліи, подобные дѣятели, эти часто огульные, по неспособности къ самостоятельному сужденію, попуган либерализма, не могутъ постичь того, что старое, искони существовавшее, составляетъ иногда важную органическую основу въ бытѣ даннаго народа, и что произвольное разрушеніе ея невсегда бываетъ безопасно. По сему Дрэперъ справедливо замѣчаетъ, что избавить общество слишкомъ поспѣшно отъ узды старыхъ идей, значитъ даровать ему не свободу, а натолкнуть его на путь политическаго бродяжничества *).

Къ сожалѣнію, изученіе духа русскаго народа, по его письменнымъ памятникамъ—юридическимъ, историческимъ и бытовымъ,—мало подвинулось у насъ впередъ. Весьма часто оно основывается не на строгомъ и правдивомъ изслѣдованіи старины, а на однихъ своеобраз-

*) См. Исторію умственнаго развитія Европы. Джона Дрэпера. Спб. 1869. Т. 1-й, стр. 47.

ныхъ, нерѣдко тенденціозныхъ, о ней гаданіяхъ и выводахъ, несогласныхъ съ историческою дѣйствительностію.

Задавшись цѣлью изслѣдовать древнее русское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и половины XVII вѣковъ, до изданія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, мы вполнѣ сознаемъ всю трудность достиженія хотя незначительнаго въ томъ успѣха, въ виду недостаточности и отрывочности изданныхъ доселѣ источниковъ по выбранному нами предмету.

Все, что только сохранилось пригоднаго для нашего изслѣдованія отъ означенныхъ столѣтій, именно: уставныя грамоты, оба судебника съ дополненіями къ нимъ, губныя грамоты, книга Разбойнаго Приказа царя Іоанна IV, прибавленія къ ней постановленій царей Ѳедора и Бориса и кое какіе другіе акты *)— представляютъ относительно судопроизводства лишь скудные, перемѣшанные между собою, отрывки когда то цѣльной, и можетъ быть даже не лишенной своеобразной стройности, системы отправленія древняго русскаго правосудія.

Но, говоря это, мы вовсе не предполагаемъ утраты ка-

*) Прим. Судебникъ 1550 г. дополнялся: 1) Самимъ издателемъ его Іоанномъ IV съ 1550 по 1582 годъ (Ак. ист. Т. I № 154). 2) Царемъ Ѳедоромъ съ 1588 по 1597 г. (Ак. ист. Т. I № 221). 3) Царемъ Василіемъ Шуйскимъ съ 1607 по 1609 годъ (Ак. ист. Т. II № 85). 4) Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ съ 1620 по 1645 годъ (Ак. ист. Т. III № 92) и 5) Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ 1645 по 1648 годъ (Ак. ист. Т. IV № 6).

кихъ либо законодательныхъ памятниковъ съ систематическимъ изложеніемъ въ нихъ всего нашего древняго судопроизводства. Такихъ памятниковъ очевидно не существовало. Сказанное нами станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что русскіе судьи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ, при отправленіи своихъ обязанностей, руководствовались, кромѣ писанныхъ законовъ, еще и древними обычаями. О важномъ значеніи обычаевъ въ старинномъ русскомъ судѣ свидѣтельствуютъ не только Олеарій, но и наши отечественные историческіе акты, именно договоръ 1610 года бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ объ избраніи царемъ королевича Владислава, и грамота царя Михаила Ѳедоровича 1622 года. Въ означенныхъ актахъ сказано: въ первомъ: „а суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго Государства“ (Ак. эк. Т. II № 165); во второмъ: „судити во всѣхъ дѣлѣхъ по нашему царскому указу и по соборному Уложенію и по прежнему обычаю, какъ было изстари“ (Ак. эк. Т. III № 123) *). Эти то древніе обычаи восполняли недостаточность какъ общихъ, такъ и частныхъ писанныхъ законоположеній, и совокупно съ ними и составляли ту, созданную самою жизнію и нелишенную нѣкоторой цѣльности,

*) Прим. Въ этой грамотѣ, а также въ грамотахъ 1551 и 1622 годовъ (Ак. эк. Т. I № 229 и Ак. эк. Т. III № 126) Судебникъ 1550 г. называется Уложеніемъ еще прежде появленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича Постановленія собора 1551 г. также именуются соборнымъ Уложеніемъ (Ак. Ист. Т. I № 155).

систему русскаго судопроизводства, о которой мы упомянули выше.

Въ настоящее время, когда обычаи, которыми руководствовались на Руси въ старину при отправленіи правосудія, исчезли почти безслѣдно, когда уголовныя дѣла давно минувшихъ вѣковъ утеряны, или доселѣ не изданы, и когда для предположеннаго нами труда остались одни только отрывочныя свѣдѣнія—возстановить на основаніи ихъ, хотя отчасти, систему нашего древняго судопроизводства—представляется задачею весьма нелегкою. Приходится, такъ сказать, сличать между собою сохранившіеся обломки отъ цѣлаго когда то зданія, и понимъ-дѣлать выводы о его формѣ и деталяхъ.—Разумѣется, ошибки при такомъ способѣ работы неизбѣжны, но мы надѣемся, что наша попытка вызоветъ со стороны другихъ лицъ болѣе точныя изысканія относительно разсматриваемаго нами предмета.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію частностей нашего изслѣдованія, укажемъ на общую мысль, положенную въ основу всей системы древняго русскаго судопроизводства, и служащую какъ бы объяснительнымъ къ ней руководствомъ.

Подобно тому, какъ нынѣ слова: „да правда и милость царствуетъ въ судахъ“, характеризуютъ въ идеѣ систему новаго русскаго судопроизводства, такъ точно въ старину постановленіе: „судомъ не мстити и не дружити никому“ заключало въ себѣ основное начало нашего древняго суда. Такое начало строгаго, нелицепріятнаго правосудія, выраженное въ обоихъ судебникахъ и еще раньше въ другихъ па-

мятникахъ отечественнаго права, наприм., въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года и пр. *) представляетъ не одинъ только личный взглядъ того или другаго государя, а исконное понятіе о судѣ всего русскаго народа.

Еще въ XIII вѣкѣ нашими лѣтописцами превозносится судъ истинный, нелицемѣрный, независимый отъ вліянія сильныхъ боляръ и ограждающій слабаго отъ ихъ притѣсненій и насилій. (Пол. собр. лѣт. Т. I стр. 184 и 185). Но кромѣ лѣтописцевъ, извѣстный игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, св. Кириллъ, въ посланіи своемъ къ Можайскому удѣльному князю, Андрею Дмитріевичу, такъ отзывается о необходимости строгаго, нелицепріятнаго отправленія правосудія: „ты, господине, смотри того: судьи бы судили праведно, какъ предъ Богомъ, посуловъ бы не имали, довольны бы были уроки своими, понеже спце глаголетъ Господь: да не оправдиши нечестиваго мзды ради, ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата—свойства ради, ни друга—любве ради, ни нища — нищеты ради; не сотвориши неправду на судѣ. Такоже, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны“ (Ак. ист. Т. 1 № 16).

Съ другой стороны черные тяглые люди разныхъ мѣстностей Россіи, приносившіе жалобы Верховной вла-

*) Прим. Въ Новгородской грамотѣ 1471 г. сказано: „Судити всѣхъ ровно, какъ боярина, такъ и житьяго и молодчаго человѣка; а судити право, по крестному цѣлованію“ (Ак. эк. Т. I № 92).

сти на бездѣйствіе судебныхъ чиновъ относительно преслѣдованія преступниковъ, тѣмъ самымъ выражали желаніе имѣть судъ строгій и немздоимный (Ак. эк. Т. I №№ 234, 242 и 243).

Все это указываетъ на отечественный идеалъ суда по народному о немъ сознанію, кратко выраженный, какъ мы сказали выше, словами: „судомъ не мстити и не дружити никому." Дѣйствительность существованія такого идеала подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что приведенныя нами слова составляли не теоретическое разсужденіе, а законъ. Законы же, относившіеся до суда, создавались у насъ въ старину не по кабинетному, отвлеченному измышленію, а самою жизнію, и возникали, какъ извѣстно, двумя способами: или по ходатайству земли, чрезъ посредство тѣхъ или другихъ общинъ, заявлявшихъ предъ престоломъ о своихъ нуждахъ (Ак. эк. Т. I №№ 187, 224 и др.), или по судебнымъ боярскимъ приговорамъ, обращавшимся, съ утвержденія царей, въ законъ. Въ Судебникѣ 1550 года было даже постановлено: „а которыя будутъ дѣла новыя, а въ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ Государева докладу, со всѣхъ бояръ приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ Судебникѣ приписывати" (Ак. ист. т. I № 153 ст. 98.)—И такъ, очевидно, что древніе русскіе законы не могли не отражать въ себѣ народнаго духа и его неотложныхъ потребностей, и что эти потребности заявлялись не въ умозрительной доктринѣ какого-либо одного лица, а практическою, всѣми сознанною, ихъ настоятельностію.

Сообразивъ все сказанное и принявъ во вниманіе

руководящее значеніе въ нашемъ древнемъ судѣ старыхъ обычаевъ, мы не находимъ ничего неожиданнаго и новаго въ томъ, что въ договорѣ 1610 года съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, бояре требовали, чтобы законы, относившіеся до суда, издавались „по совѣту съ Думою бояръ и всей земли, и чтобы, сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавлять“ (Ак. эк. Т. II № 165). Безъ сомнѣнія, въ означенномъ договорѣ бояре главнымъ образомъ отстаивали старину, боясь нарушенія ея со стороны иноземца Владислава. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что древнее наше право создавалось не единичною только волею, но по насущнымъ указаніямъ самой жизни.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ, нельзя не убѣдиться, что слова: „судомъ не мстити и не дружити никому“, составляли въ системѣ нашего древняго судопроизводства основное, жизненное начало, выражавшее въ себѣ сознаніе всего русскаго народа о сущности правды на судѣ. Строгое, ни кому не потворствующее отношеніе къ дѣлу, одинаково безпристрастное для друга и врага, для боярина и не боярина — вотъ задача суда по понятіямъ русскихъ людей разсматриваемаго нами времени. Они не требуютъ ни снисхожденія, ни милости, а только одной строгой, неумолимой справедливости, правды по крестному цѣлованію. Притомъ, въ древности у насъ милосердіе понималось преимущественно какъ удовлетвореніе обиженнаго, а не какъ потворство преступнику, особенно вѣдомому лихому человѣку. (Ак. юр. №№ 32, 33, 36,

37, 38, 43 и др.). Это замѣчательная черта русской старины, къ несчастію забытая въ наше время!

Вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала изображенному нами народному идеалу суда, не имѣетъ для насъ существеннаго значенія, такъ какъ мы предположили изслѣдовать законы судопроизводства, а не фактическое проявленіе и осуществленіе ихъ въ жизни. Важно лишь то, что сознаніе о необходимости и святости строгаго, нелицепріятнаго суда жило въ духѣ нашего народа и въ Верховныхъ руководителяхъ его историческихъ судебъ, а потому не могло не отразиться и въ самыхъ постановленіяхъ о судопроизводствѣ. —Скажемъ только, что въ періодъ XIV, XV и XVI столѣтій, русскій народъ жаловался столько же на корыстолюбіе судей, сколько и на то, что судъ не ограждалъ общественной безопасности строгимъ преслѣдованіемъ преступниковъ, которые, особенно тати и разбойники, до того размножились, что на нихъ нерѣдко приходилось выходить съ военною силою, „со всякимъ ратнымъ боемъ“ (Ак. эк. Т. I №№ 187, 224, 234; Ак. ист. Т. III № 197 и др.). Но не тѣ ли же самыя жалобы на послабленіе преступникамъ слышатся въ обществѣ и въ настоящее время? Не прибѣгаютъ-ли зачастую въ виду такого послабленія и теперь наши крестьяне къ суду Линча? Жалкая, подумаешь, судьба русской юстиціи: при ясномъ народномъ сознаніи о необходимости строгаго суда, народъ нашъ до сихъ поръ не дождался осуществленія своего идеала, и изъ вѣка въ вѣкъ тянется его безконечная жалоба на неудовлетворительныя дѣйствія правосудія.

Окончивъ введеніе къ настоящему изслѣдованію, означимъ предварительно и самые его отдѣлы.

Сначала, въ первомъ отдѣлѣ, мы представимъ краткій очеркъ древняго русскаго судоустройства, необходимый для полной вразумительности послѣдующаго нашего изложенія. Во второмъ отдѣлѣ, укажемъ, въ сжатомъ видѣ, разные роды преступленій на Руси въ разсматриваемое нами время и наказанія за нихъ, что нужно для уясненія третьяго отдѣла, именно понятія о сыскѣ и судѣ, какъ особыхъ формахъ тогдашняго судопроизводства. Затѣмъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ мы изложимъ поручительство и арестъ по уголовнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по сыскнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по суднымъ дѣламъ и судебныя пошлины, наконецъ, въ заключеніи, кратко сравнимъ наше судопроизводство XIV, XV, XVI и первой половины XVII вѣковъ съ современнымъ ему судопроизводствомъ на западѣ Европы, чѣмъ наглядно опредѣлится мѣсто и значеніе древняго русскаго суда по отношенію къ отправленію въ старину правосудія у западно-европейскихъ народовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Судоустройство.

Судебная власть въ Россіи въ XIV, XV, XVI и въ половинѣ XVII вѣкахъ дѣлилась на мѣстную и центральную.

Мѣстная судебная власть распредѣлялась по уѣздамъ. Въ каждомъ уѣздѣ находились: 1) правительственные судьи—намѣстники, волостели и ихъ тіуны, губные старосты и излюбленные судьи; 2) вотчинные, т. е. частные судьи, творившіе судъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ. Изъ всѣхъ этихъ судей составлялись иногда смѣсные суды. Сверхъ поименованныхъ нами постоянныхъ мѣстныхъ судей, были еще временные судьи, именно: судьи разъѣзжіе и судьи данные—правительственные, и судьи третейскіе—частные.

Центральная судебная власть сосредоточивалась въ Москвѣ и, до уничтоженія удѣловъ, въ столь-

ныхъ удѣльныхъ городахъ: 1) у бояръ и окольничихъ, завѣдывавшихъ порученными имъ судебными дѣлами сначала въ качествѣ „бояръ введенныхъ“, а потомъ засѣдавшихъ въ учрежденныхъ въ Москвѣ Приказахъ; 2) у удѣльныхъ князей, великихъ князей и царей.

Судебная власть въ старину была первоначально по преимуществу одноличною, исключая судовъ смѣсныхъ, а потомъ коллегіальною—въ съѣздахъ губныхъ старостъ, въ засѣданіяхъ излюбленныхъ судей и въ Приказахъ.

При производствѣ мѣстнаго, какъ одноличнаго, такъ и коллегіальнаго правительственнаго суда, всегда присутствовали судные мужи, т. е. дворскіе, сотскіе, старосты и лучшіе люди, цѣловальники, въ качествѣ свидѣтелей, какъ велось на судѣ дѣло, и потому подписывавшіе и хранившіе иногда у себя судные списки. На центральномъ одноличномъ судѣ у князей. великихъ князей и царей постоянно находились бояре.

При судьяхъ состояли дьяки, подъячіе и особые пристава для исполненія судейскихъ распоряженій. Эти пристава носили названія: доводчиковъ, правотчиковъ, земскихъ приставовъ (Ак. юр. № 23) и недѣльщиковъ.

Отношеніе мѣстнаго суда къ центральному не было одинаково неизмѣнно во весь разсматриваемый нами періодъ времени. Сначала центральный судъ, съ небольшими исключеніями, почти поглощалъ значеніе суда мѣстнаго; затѣмъ, на оборотъ, мѣстный судъ, особенно по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, дѣйствовалъ самостоя-

тельно и совершенно независимо отъ суда центральнаго; наконецъ, повторяется снова, но еще въ большей степени, прежнее явленіе, именно: мѣстный судъ ограничивается вѣдомствомъ лишь самыхъ ничтожныхъ и мелкихъ дѣлъ, всѣ же остальныя дѣла сосредоточиваются въ Москвѣ, въ Приказахъ, начинается „московская волокита", полнѣйшее неправосудіе и искаженіе началъ древняго русскаго суда *).

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ система нашего стариннаго судоустройства съ XIV вѣка до изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Перейдемъ теперь къ изложенію частностей въ устройствѣ мѣстной и центральной судебныхъ властей, а также существовавшихъ между ними отношеній.

---

*) Прим. Чрезмѣрное сосредоточеніе судебныхъ дѣлъ въ столичныхъ центрахъ всегда и вездѣ производило и производитъ развращающее вліяніе на отправленіе правосудія.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Мѣстная судебная власть.

Обозрѣвая мѣстную судебную власть, мы разсмотримъ: 1) разряды судей; 2) судебные округа; 3) содержаніе судей; 4) судейскую присягу; 5) степень власти судей; 6) отводъ судей, и наконецъ 7) разряды должностныхъ лицъ, состоявшихъ при судѣ.

1) Разряды судей.

Намѣстники, именовавшіеся при дѣйствіи Русской Правды посадниками, волостели, называвшіеся тогда вирниками, и ихъ тіуны—искони были учреждены во всѣхъ уѣздахъ русской земли и составляли единственную мѣстную правительственную судебную власть во все продолженіе XIV и XV столѣтій. Встрѣчаемыя въ нашихъ древнихъ актахъ должностныя лица, именно: особые волостели, слободчики, данщики,

посельскіе и ловчіе, по существу присвоивавшейся имъ судебной власти соотвѣтствовали отчасти, но съ нѣкоторыми ограниченіями, общимъ волостелямъ, хотя завѣдывали противъ послѣднихъ меньшими присудами, и потому всѣхъ поименованныхъ выше лицъ нельзя прямо относить къ особому разряду правительственныхъ судей*).

Совмѣстно со всѣми указанными выше правительственными судьями существовали еще и судьи вотчинные, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, преимущественно игумены и архимандриты въ монастыряхъ. Судебная власть, предоставленная въ поземельныхъ владѣніяхъ ихъ вотчинникамъ, опредѣлялась жалованными имъ грамотами и была иногда весьма обширна.

Судьи правительственные и судьи вотчинные, по общимъ между ними дѣламъ, съѣзжались для рѣшенія ихъ совмѣстно и составляли для того, такъ называвшіеся, суды смѣсные. Впрочемъ, эти суды могли учреждаться, смотря по подсудности входившихъ въ дѣло лицъ, и отдѣльно, какъ изъ однихъ правительственныхъ, такъ и изъ однихъ вотчинныхъ судей.

Судьи разъѣзжіе и судьи данные не причислялись къ постояннымъ мѣстнымъ участковымъ судьямъ, подобно намѣстникамъ и волостелямъ, а изрѣдка посылались правительствомъ изъ Москвы въ уѣзды для рѣшенія на мѣстѣ только спорныхъ гражданскихъ

---

*) Прим. Подробности объ этихъ судьяхъ помѣщены въ статьяхъ нашихъ: Древнее русское право въ исторіи г. Костомарова, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ Майск. кн. 1876 г. и Іюльск. кн. 1877 годовъ.

земельныхъ дѣлъ. Различіе между разъѣзжими судьями, носившими еще названіе писцовъ, и судьями данными состояло въ слѣдующемъ:

Первые, т. е. разъѣзжіе судьи, посылались періодически, время отъ времени, въ тотъ или другой уѣздъ для составленія о немъ писцовыхъ книгъ и рѣшенія при этомъ дѣлъ о тѣхъ спорныхъ земляхъ и угодьяхъ, кои подлежали записке въ уѣздныя писцовыя книги, но до рѣшенія судьею спора не могли быть въ нихъ внесены, такъ какъ для такого внесенія требовалось точное обозначеніе имени и прозванія владѣльца земли или угодья, чего до окончанія самого дѣла сдѣлать было невозможно.

Вторые, т. е. данные судьи, назначались правительствомъ случайно, по просьбѣ участвовавшихъ въ спорномъ дѣлѣ сторонъ, и для рѣшенія лишь этого одного дѣла. Каждой сторонѣ дозволялось просить о назначеніи для себя особаго даннаго судьи и указывать притомъ прямо на то или другое лицо.

Разъѣзжіе судьи производили судъ иногда въ составѣ двухъ или трехъ изъ нихъ, а иногда одиночно. Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ требовалось коллегіальное разсмотрѣніе дѣла, и когда этого не требовалось. Можно только догадываться, что монастырскія земельныя тяжбы всегда рѣшались разъѣзжими судьями совмѣстно.

Третейскіе судьи были двухъ родовъ: 1) третейскіе судьи между самими судьями, несходившимися въ мнѣніяхъ относительно рѣшенія дѣла; 2) третейскіе

судьи между частными сторонами, по ихъ собственнымъ спорнымъ дѣламъ.

Перваго рода третейскіе судьи допускались исключительно лишь въ смѣсныхъ дѣлахъ, возникавшихъ между отдѣльными удѣльными княжествами. Если у смѣсныхъ судей, назначавшихся по этому поводу князьями, происходило разнорѣчіе относительно рѣшенія такихъ дѣлъ, то судьи эти пользовались правомъ выбрать кого имъ было угодно третейскимъ между собою судьей; въ случаѣ же разномыслія ихъ касательно выбора и самого третейскаго судьи, естественнымъ третейскимъ судьей признавался великій князь Московскій, и дѣло передавалось на его рѣшеніе.

Третейскіе судьи втораго рода были судьями между частными лицами. Эти судьи, безъ всякаго отношенія къ правительственной власти, выбирались спорившими по дѣлу сторонами совершенно свободно. При выборѣ третейскихъ судей стороны заключали третейскія записи, которыя писались примѣрно такъ: „не ходя на судъ, поговоря межъ себя полюбовно, зарядили мы въ томъ дѣлѣ третьихъ (такихъ-то), и третьимъ нашимъ пожаловать насъ судить и всякими сыски сыскивать и по душамъ допрашивать. И мнѣ (истцу), ставъ передъ третьими своими, иску своего искать, а намъ (отвѣтчикамъ) передъ третьими своими въ томъ его иску отвѣчать и во всемъ ихъ слушать, и приговоръ ихъ и сказку любить; и вольно третьимъ нашимъ праваго оправить, а виновнаго по суду своему и по сыску и по нашимъ душевнымъ сказкамъ обвинить, и расправа межъ нами учинить безволокитно, и приговоръ

свой третейскій правому на виноватаго дать. А будетъ я (истецъ) не стану передъ третьими, гдѣ мнѣ посрочатъ, къ суду, или ставъ не учну того своего иску искати, и третьихъ своихъ не учну суда слушать, и приговора ихъ и сказки любить, и я (истецъ) того своего иску всего лишенъ; да на мнѣ-жъ (истцѣ) взять третьимъ нашимъ безчестія свои противъ государева денежнаго жалованья. А будетъ мы (отвѣтчики) передъ третьими своими къ суду не станемъ, гдѣ намъ третьи наши посрочатъ къ суду быти, или ставъ передъ ихъ не учнемъ въ томъ искѣ отвѣчать, или не учнемъ третьихъ своихъ суда слушать и приговору ихъ и сказки любить, и на насъ (на отвѣтчикахъ) тотъ искъ сполна; да на насъ же взять третьимъ нашимъ безчестія свои противъ государева денежнаго жалованья.“ Запись подписывалась истцами, отвѣтчиками и послухами (Ак. эк. Т. III № 277).

Въ монастырскихъ селахъ, третейскіе судьи назначались иногда сельскими приказчиками. (Ак. юр. №№ 66 и 67).

Всѣ поименованныя нами мѣстныя судебныя власти существовали безъ всякихъ перемѣнъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Но со второй четверти XVI вѣка начинается на Руси первая судебная реформа, именно: судъ уѣздный коронный становится не одноличнымъ, а коллегіальнымъ, и вмѣсто правительственнаго назначенія судей вводится для нихъ выборное начало. Поговоримъ подробнѣе объ этой первой нашей судебной реформѣ.

Она возникла въ царствованіе Іоанна Грознаго, въ

1539 году, учрежденіемъ у насъ новой мѣстной судебной власти, въ лицѣ выборныхъ губныхъ старостъ. Власть эта учреждается не по личному только желанію правительства, а въ удовлетвореніе желанія и потребности всей русской земли, т. е. вслѣдствіе указаній самой жизни.

Побуждаемые крайнею необходимостію, многіе городскіе, посадскіе и волостные люди стали приносить жалобы великому князю Іоанну IV, что они сильно страдаютъ отъ усиленія въ землѣ разбоевъ, грабежей и убійствъ, и что обыщики, посылаемые изъ Москвы для отысканія и преслѣдованія преступниковъ, причиняютъ населенію только одни убытки, не принося никакой существенной пользы относительно порученнаго имъ дѣла. Къ этимъ жалобамъ присоединялись и намеки, чтобы самимъ мѣстнымъ жителямъ дозволено было ловить разбойниковъ: „а сами мы, писали въ жалобахъ своихъ городскіе, посадскіе и волостные люди, межъ себя, безъ государева вѣдома, обыскивать и имати разбойниковъ не смѣемъ“. (Ак. эк. Т. I № 187 и др.).

Правительство Іоанна Грознаго оцѣнило значеніе такихъ намековъ и пользу дарованія мѣстнымъ общинамъ права выбирать самимъ у себя людей для поимки и наказанія разбойниковъ, вслѣдствіе чего въ 1539 году и установлены были выборные губные старосты для каждаго города и каждой волости по три или по четыре человѣка *).

---

*) Были нѣкоторыя мѣстныя исключенія изъ этого общаго правила, но они, по своей частности, не имѣютъ существеннаго значенія.

Выборы въ губные старосты велѣно было производить отдѣльно по каждому уѣзду, на общемъ съѣздѣ всѣхъ его сословій, именно духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, городскихъ, посадскихъ и волостныхъ людей. О самыхъ выборахъ составлялись выборные списки за подписью всѣхъ избирателей и списки эти представлялись въ Разбойный Приказъ. Выбирать въ губные старосты предписывалось только лучшихъ, первыхъ людей изъ дѣтей боярскихъ и дворянъ, которые были бы къ тому пригожи, душею прямы, животомъ прожиточны и въ грамотѣ горазды. Когда въ Разбойномъ Приказѣ замѣчали, что избранъ кто либо въ губные старосты не изъ лучшихъ людей, то губнымъ старостою назначали лучшаго человѣка безъ выборовъ. Въ случаѣ, если выборы не были единогласны—выбирали одни—одного, а другіе—другаго, то такіе выборы представлялись на разсмотрѣніе въ Разбойный Приказъ, отъ котораго зависѣло или утвердить кого либо изъ лицъ, выбранныхъ въ губные старосты, или приказать произвесть новые выборы. (Ак. эк. Т. I № 187; Ак. эк. Т. III № 171; Ак. ист. Т. III № 150).

Выбранныхъ такимъ образомъ губныхъ старостъ запрещалось смѣщать съ должностей. Въ грамотѣ 1550 года царь Іоаннъ IV прямо говоритъ: „а которые старосты нашу службу служатъ и отъ службы ихъ отставити немочно“ (Ак. эк. Т. I № 224). Если при этомъ принять во вниманіе, что срокъ выборной службы губныхъ старостъ не былъ опредѣленъ, и что они служили безсрочно, то мы имѣемъ полное право сказать, что имъ присвоивалась полная несмѣняемость.

И дѣйствительно, ихъ служба продолжалась почти пожизненно, иногда 20 и болѣе лѣтъ въ одной и той же должности и въ одной и той же мѣстности, какъ напр., губныхъ старостъ Дубасова, Палицына, Осорьина и другихъ. (Ак. юр. №№ 203, 365; Ак. эк. Т. III №№ 152, 154, 163, 201, 210, 257, 295 и 297) *).

---

*) Вотъ списокъ губныхъ старостъ XVI и XVII столѣтій, о которыхъ упоминается въ нашихъ актахъ:

1) Бѣлозерскаго уѣзда: 1549 г. Монастыревъ и Сапоговъ (Ак. эк. Т. I № 224); 1571 г. Гнѣвашовъ и Лихаревъ (Ак. эк. Т. I № 281); 1643 г. Козловъ (Ак. юр. № 313).

2) Вологодскаго уѣзда: 1582 г. Бесѣдиновъ и Трусовъ Иванъ (Ак. юр. № 106); 1608 г. Вячеславъ (Ак. юр. № 423); 1617 г. Домнинъ Григорій и Трусовъ Иларіонъ (Ак. юр. № 279); 1649 г. Домнинъ Матвѣй (Ак эк. Т. IV № 40).

3) Владимірскаго уѣзда: 1627 г. Кипріяновъ (Ак. юр. № 29).

4) Волоцкаго уѣзда 1653 г. Вражниковъ (Ак. юр. № 223. V).

5) Галицкаго уѣзда 1619 г. Перелетинъ (Ак. эк. Т. III № 105).

6) Кашинскаго уѣзда: 1586 г. Аммосовъ Измира (Ак. эк. Т. I № 230); 1656 г. Сосновскій (Ак. эк. Т. IV № 92).

7) Козельскаго уѣзда 1606 г. Панинъ (Ак. юр. № 59).

8) Малоярославскаго уѣзда 1649 г. Микулинъ (Ак. юр. Калачова № 55, XII).

9) Муромскаго уѣзда 1625—1640 г. Аристовъ, Воронаевъ и Осорьинъ (Ак. эк. Т. III №№ 163, 210, 295 и 297).

Впрочемъ, губнымъ старостамъ, кажется, дозволялось оставлять должность по собственному желанію, но если ихъ выбирали снова, то они не могли отказываться отъ службы, кромѣ того случая, когда по освидѣтельствованіи находили ихъ дѣйствительно больными или увѣчными (Ак. ист. Т. III № 150).

---

10) Новоторжскаго уѣзда 1627 г. Вельяшевъ (Ак. эк. Т. III № 171).

11) Переяславля-Рязанскаго уѣзда: 1647 г. Смагинъ, Масловъ, Нефимоповъ (Ак. юр. Калачова № 55, X, XI); 1666 г. Чеботаевъ и Сацыпоровъ (Ак. юр. Калачова № 55 XIX, XXI); 1677 г. Липуновъ (Ак. юр. Калачова № 55 XXVIII).

12) Суздальскаго уѣзда: 1639 г. Щепиловъ (Ак. эк. Т. III № 291); 1642 г. Кишкинъ (Ак. эк. Т. III № 311); 1647 г. Кимкинъ и Стромиловъ (Ак. эк. Т. IV № 22).

13) Серпуховскаго уѣзда 1601 г. Игнатьевъ, Соймоновъ и Цвиленевъ (Ак. эк. Т. II № 19).

14) Углицкаго уѣзда: 1614 г. Грозный (Ак. эк. Т. III № 47); 1641 г. Раковъ (Ак. юр. № 304, III); 1670—1674 г. Роткѣевскій (Ак. юр. № 307 II и IV).

15) Унженскаго уѣзда 1585 г. Сѣкиринъ (Ак. юр. № 359, II; Ак. юр. № 172).

16) Устюжскаго уѣзда: 1623 г. Верилевъ (Ак. эк. Т. III № 146); 1647 г. Лаптевъ (Ак. эк. Т. IV № 21).

17) Торусскаго уѣзда 1611 г. Купаковъ (Ак. эк. Т. II № 192).

18) Шуйскаго уѣзда 1621 г. Сѣченевъ (Ак. юр. Калачова № 55 IV).

19) Заонежской половины: 1632 г. Забѣлинъ (Ак. эк. Т. III №№ 201 и 203); 1636 г. Скобельцынъ (Ак. эк. Т. III № 263).

И такъ, несмѣняемость судей, которою такъ возмущаются нѣкоторые въ наше время, признана была необходимою даже у насъ въ старину, и ни царь Іоаннъ Грозный, ни царь Алексѣй Михайловичъ, даровавшій кіевскимъ войтамъ право на пожизненное войтовство, не считали себя умаленными тѣмъ въ своихъ самодержавныхъ правахъ (Ак. ист. Т. IV №№ 83 и 192).

Обязанность губныхъ старостъ состояла не только въ томъ, чтобы розыскивать разбойниковъ, но и въ томъ, чтобы ихъ судить и казнить.

Съ учрежденіемъ губныхъ старостъ дѣла разбойныя не подлежали уже вѣдѣнію намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ; но по всѣмъ остальнымъ дѣламъ они сохраняли еще прежнюю свою власть и значеніе. Впослѣдствіи, обязанность губныхъ старостъ еще болѣе расширилась, когда имъ предписано было произносить приговоры и о вѣдомыхъ татяхъ и душегубцахъ. Сообразно съ этимъ увеличеніемъ предѣловъ вѣдомства губныхъ старостъ уменьшились и предѣлы вѣдомства намѣстниковъ и волостелей, и наконецъ, начиная съ

---

20) Деревской пятины 1663 г. Огибаловъ (Ак. юр. № 352).

21) Обонежской пятины: 1624 г. Палицынъ (Ак. эк. Т. III №№ 152, 154, 201 и 257; Ак. юр. № 223, II); 1652 г. Востинскій (Ак. эк. Т. IV № 58; Ак. юр. № 348); 1654—1677 г. Дубасовъ (Ак. эк. Т. IV №№ 70 и 72; Ак. юр. № 203, I, II, 365, II).

22) Арзамаскаго уѣзда 1679 г. Нестѣевъ (Ак. эк. Т. IV № 237).

1552 года, эти должности, тоже по ходатайству общинъ, стали почти повсемѣстно уничтожаться и замѣняться выборными излюбленными судьями.

Поводъ къ установленію излюбленныхъ судей былъ слѣдующій. На намѣстниковъ и волостелей, назначавшихся правительствомъ изъ бояръ и дѣтей боярскихъ, крестьянскія общины стали приносить постоянныя жалобы царю, что означенныя должностныя лица „чинятъ имъ продажи и убытки великіе“. Царь Іоаннъ Грозный обратилъ вниманіе на эти жалобы и, въ своихъ грамотахъ объ установленіи новаго судебнаго учрежденія, именно излюбленныхъ судей, заявилъ слѣдующее: „мы, жалуючи крестьянство, для тѣхъ великихъ продажъ и убытковъ, намѣстниковъ и волостелей отъ городовъ и волостей отставили, и велѣли есми во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинить, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею, людей добрыхъ и просужихъ, которые бы были душею прямы и отъ которыхъ бы имъ (крестьянамъ) продажъ и убытковъ и обиды не было, и (которые) разсудить бы ихъ умѣли вправду безпосульно и безволокитно“ (Ак. эк. Т. I №№ 242 и 243; Ак. эк. Т. II № 52). И такъ, излюбленные старосты были собственно крестьянскими судьями. Они назывались также излюбленными судьями, земскими судьями, мірскими выборными или просто выборными судьями и судейками (Ак. ист. Т. I № 248; Ак. эк. Т. II №№ 52 и 69; Ак. эк. Т. I № 250).

Выборы въ излюбленные судьи производились не

всѣми сословіями, какъ это было при выборахъ въ губные старосты, а одними только крестьянами, и притомъ не цѣлымъ уѣздомъ, а отдѣльно по каждому городу, посаду или волости, при чемъ для всякаго изъ этихъ выборныхъ участковъ выбиралось по нѣскольку судей.

Срокъ выборной службы излюбленныхъ судей не былъ опредѣленъ, но городскимъ, посадскимъ и волостнымъ людямъ дозволялось перемѣнять ихъ и избирать новыхъ или по собственному побужденію, или вслѣдствіе желанія самихъ судей оставить должность (Ак. эк. Т. I №№ 250 и 364). Впрочемъ, въ посадѣ Шуѣ излюбленные судьи выбирались на годъ (Ак. эк. Т. II № 52).

Вѣдѣнію излюбленныхъ судей подлежали дѣла крестьянскаго сословія, остававшіяся еще у намѣстниковъ и волостелей за отдѣленіемъ отъ нихъ губнымъ старостамъ дѣлъ разбойныхъ, татебныхъ и душегубныхъ, т. е. дѣла гражданскія и маловажныя уголовныя дѣла. Однакожъ, слѣдуетъ замѣтить, что излюбленнымъ судьямъ, хотя рѣдко, предоставлялись иногда, какъ напр. на Вагѣ и Двинѣ, и права губныхъ старостъ въ рѣшеніи важныхъ уголовныхъ дѣлъ, касавшихся только крестьянъ (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250).

Губные старосты и излюбленные судьи рѣдко дѣйствовали *одиночно*, но всегда почти *коллегіально* въ большемъ или меньшемъ составѣ.

Прочія мѣстныя судебныя власти, какъ то: судьи *разъѣзжіе*, *данные*, *третейскіе*, *вотчинные*, и послѣ судебной реформы, произведенной въ царствованіе Іоанна Грознаго, сохранили прежнее свое значеніе безъ всякихъ измѣненій, но вотчиннымъ судьямъ не

дозволялось уже вѣдать въ своихъ вотчинахъ дѣла о татьбахъ, разбояхъ и душегубствахъ.

Изложенное нами измѣненіе въ судоустройствѣ не было, впрочемъ, строго и одновременно осуществлено на всемъ пространствѣ тогдашней Руси. У насъ въ древности не любили повсемѣстной, систематической ломки стараго, новизну вводили осмотрительно, всегда по потребностямъ даннаго мѣста и даннаго времени. Поэтому, при учрежденіи губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, оставались мѣстности, гдѣ ни тѣхъ, ни другихъ не было, а всѣ дѣла по прежнему судили одни намѣстники или волостели и ихъ тіуны.

2) Судебные округа.

При намѣстникахъ и волостеляхъ каждый уѣздъ дѣлился на большее или меньшее число судебныхъ округовъ. Изъ нихъ тотъ округъ, въ границы коего входилъ и уѣздный городъ, гдѣ пребывалъ намѣстникъ, назывался намѣстничествомъ, а другіе округа, въ томъ же уѣздѣ, съ главнымъ селомъ, гдѣ жилъ волостель, именовались волостельствами.

Но среди намѣстничествъ и главныхъ волостельствъ постоянно образовывались еще гораздо меньшіе, но самостоятельные присуды, какъ правительственные, которые можно назвать особыми волостельствами, такъ и частные—вотчинные округа. Напримѣръ, въ Переяславскомъ уѣздѣ было пять главныхъ судебныхъ округовъ: 1) намѣстничество

Переяславское и общія волостельства, 2) Усольское, 3) Кисемское, 4) Верхъ-Дубенское и 5) Слободское; но, кромѣ того, въ округѣ Переяславскаго намѣстничества возникли еще три особыя волостельства съ особыми волостелями, независимыми отъ намѣстниковъ, именно: 1) волостельство столнича пути для рыболовныхъ только дворовъ въ самомъ Переяславлѣ; 2) волостельство сокольничя пути для 20 сокольничьихъ дворовъ тоже въ Переяславлѣ; 3) Артемоновское волостельство, изъ волости Артемоновской.

Такъ было и по прочимъ уѣздамъ, т. е. что среди намѣстничествъ и главныхъ уѣздныхъ волостельствъ постоянно образовывались, преимущественно изъ мѣстъ промышленныхъ, особыя правительственныя волостельства, кромѣ присудовъ владѣльческихъ или вотчинныхъ.

Реформа въ судоустройствѣ, произведенная въ царствованіе Іоанна Грознаго, значительно повліяла на измѣненіе предѣловъ прежнихъ правительственныхъ судебныхъ округовъ. Тамъ, гдѣ вмѣсто намѣстниковъ и волостелей учреждены были излюбленные судьи, за прежними намѣстничьими и волостельскими присудами осталось лишь финансовое значеніе, именно городскіе, посадскіе и волостные люди этихъ прежнихъ присудовъ обязаны были сообща за кормы, пошлины и всякіе доходы бывшихъ намѣстниковъ и волостелей вносить въ казну извѣстный оброкъ, иногда по тогдашнему времени весьма большой, такъ напр., съ Важскаго и Шенкурскаго намѣстничьяго присуда платилось оброка полторы тысячи рублей въ годъ.

Судебные же округа, вновь учрежденныхъ излюбленныхъ судей исключительно ограничивались тѣмъ городомъ, посадомъ или волостью, для которыхъ эти судьи были выбраны (Ак. эк. Т. I №№ 234, 242 и 243).

Такимъ образомъ, прежніе присуды намѣстниковъ и волостелей сохраняли за собою представленіе единственно тяглыхъ единицъ, съ которыхъ платилась извѣстная денежная повинность, но собственно, въ видѣ судебныхъ округовъ, они перестали уже существовать.

Губные старосты, какъ мы сказали, избирались по уѣздамъ, и потому уѣздъ составлялъ ихъ общій судебный округъ. Всѣ они по каждому уѣзду составляли одно корпоративное цѣлое; но въ частности губные старосты, въ количествѣ трехъ или четырехъ человѣкъ на ту или другую общину, дѣйствовали, какъ мѣстные участковые судьи, только въ томъ городѣ, посадѣ или волости, для которыхъ были выбраны. При возникновеніи же важныхъ уголовныхъ дѣлъ, всѣ губные старосты того или другаго уѣзда обязаны были съѣзжаться въ уѣздный городъ и рѣшать такія дѣла сообща. И такъ, губные старосты, кромѣ частнаго своего судебнаго округа, именно: города, посада или волости, имѣли еще и общій для всѣхъ ихъ судебный округъ—цѣлый уѣздъ.

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ губнымъ старостамъ въ своихъ участкахъ дозволялось судить и однолично. (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 61).

Съѣзды губныхъ старостъ въ главный городъ ихъ уѣзда для рѣшенія преимущественно важныхъ разбойныхъ дѣлъ представляютъ уже начало чистой коллегіаль-

ности, котораго смѣсные суды еще не имѣли, такъ какъ каждый изъ смѣсныхъ судей, будучи судьей только той или другой стороны въ дѣлѣ, невольно преслѣдовалъ въ немъ и свой особый интересъ.

Изъ всего нами сказаннаго оказывается, что намѣстничьи и волостелиныя присуды, заключавшіе въ себѣ по нѣсколько волостей, по учрежденіи губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, раздробились на самые мелкіе присуды, ограничивавшіеся предѣлами одного города, или посада, или одной волости.

3) Содержаніе судей.

Намѣстники, волостели и ихъ тіуны, при отправленіи правосудія, получали опредѣленные уставными грамотами кормы, судебныя пошлины съ дѣлъ и другіе доходы *); губные же старосты и излюбленные судьи несли службу вполнѣ безвозмездно. Самыя судебныя пошлины въ ихъ время поступали уже въ казну.

4) Присяга судей.

Присяга судей, при вступленіи ихъ въ должность, существовала у насъ и въ древности.

Относительно, впрочемъ, намѣстниковъ, волостелей

---

*) Подробности о доходахъ намѣстниковъ и волостелей находятся въ нашемъ изслѣдованіи о древнихъ русскихъ смѣсныхъ судахъ. Москва. 1882 года.

и ихъ тіуновъ нѣтъ объ этомъ въ нашихъ актахъ прямыхъ указаній. Но изъ того, что имъ предписывалось судить „право“, „по крестному цѣлованію“, необходимо заключить, что они давали судейскую присягу,—тіуны предъ намѣстниками и волостелями, ихъ избиравшими, а сами намѣстники и волостели вѣроятно въ Москвѣ, предъ самымъ отправленіемъ ихъ на службу въ тотъ или другой уѣздъ.

Что касается губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, то всѣ они, послѣ выбора въ судьи, обязаны были пріѣзжать въ Москву, гдѣ приводились къ присягѣ чрезъ дьяковъ, губные старосты—въ Разбойномъ Приказѣ, а излюбленные судьи въ томъ Приказѣ, которому подвѣдомственна была выбравшая ихъ въ судьи мѣстность. (Ак. эк. Т. I №№ 187, 192, 194, 224, 234, 242, 250, 330; Ак. эк. Т. II № 52; Ак. эк. Т. III №№ 126, 171 и 210).

Присяга судей производилась по особо установленной для того формѣ. Одна изъ формъ судейской присяги, или крестнаго цѣлованія, какъ называли ее въ старину, сохранилась отъ времени Іоанна Грознаго. Она была составлена, безъ сомнѣнія, по общему, употреблявшемуся тогда образцу, для какого то Петрушки, выбраннаго излюбленнымъ судьей въ Тавренскую волость Важскаго уѣзда. Вотъ текстъ присяги судьи Петрушки:

„Цѣлуемъ крестъ своему Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси и его дѣтемъ царевичамъ, Царевичу Ивану и Царевичу Ѳедору, и ихъ землямъ, на томъ, что меня, Петрушку, по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя грамотѣ, въ Тав-

рейской волости выбрали въ выборные излюбленные судьи: мнѣ, будучи въ судьяхъ, крестьянъ судити всякій судъ въ правду безо всякія хитрости, другу не дружити; а недругу не мстити, и посуловъ мнѣ въ судѣ не имати ни у кого ничего, никоторыми дѣлы, и Государевъ оброкъ съ крестьянъ сбирати безъ приборовъ, и ходить мнѣ о всемъ по тому, какъ въ уставной грамотѣ писано, по сему Государеву крестному цѣлованію". (Ак. юр. № 332).

Впослѣдствіи, именно при царѣ Василіѣ Ивановичѣ Шуйскомъ, въ 1607 году излюбленные судьи приводились къ присягѣ не въ Москвѣ, а на мѣстѣ ихъ избранія чрезъ воеводъ (Ак. эк. Т. II № 69); но потомъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ 1622 году снова предписано было присылать излюбленныхъ судей для принятія судейской присяги въ Москву. (Ак. эк. Т. III № 126).

5) Степень власти судей.

Указавъ постепенное возникновеніе мѣстныхъ судебныхъ властей, перейдемъ теперь къ опредѣленію степени власти какъ намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ, такъ и губныхъ старостъ, излюбленныхъ судей и вотчинныхъ судей *).

При существованіи въ уѣздахъ однихъ лишь на-

---

*) О степени власти судей разъѣзжихъ, данныхъ и третейскихъ мы не говоримъ, такъ какъ судейская ихъ дѣятельность касалась лишь гражданскихъ дѣлъ.

мѣстниковъ и волостелей, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга, власть этихъ судей увеличивалась или уменьшалась смотря по тому, получалъ ли намѣстникъ или волостель право боярскаго суда или не получалъ, а пользовался только правомъ суда небоярскаго.

Намѣстникъ или волостель, имѣвшій право боярскаго суда, что, впрочемъ, было весьма рѣдко, могъ въ своемъ намѣстничествѣ или волостельствѣ казнить смертію и оправдывать лицъ, обвинявшихся въ важныхъ преступленіяхъ, а также разсматривать иски холоповъ о свободѣ отъ холопства и признавать ихъ вольными людьми.

Намѣстники же или волостели, получавшіе право суда небоярскаго, могли рѣшать собственною властію только незначительныя уголовныя дѣла, по важнымъ же уголовнымъ дѣламъ имъ не дозволялось ни казнить, ни оправдывать преступниковъ, ни освобождать холоповъ изъ холопства. Въ этихъ случаяхъ намѣстники или волостели обязаны были судные списки своего суда переносить для доклада и вершенія дѣлъ въ Москву или къ удѣльнымъ князьямъ. Такъ какъ громадное большинство намѣстниковъ и волостелей пользовались лишь правомъ небоярскаго суда, то, разумѣется, всѣ важнѣйшія уголовныя дѣла и дѣла о холопахъ, искавшихъ свободы отъ крѣпостной зависимости, сосредоточивались въ Москвѣ и у удѣльныхъ князей, что подтверждаетъ и Герберштейнъ.

Тіуны, какъ лица, назначавшіяся на должность самими намѣстниками и волостелями въ помощь себѣ, но безъ права удаленія ихъ отъ службы до истеченія

одного года, никогда не получали права боярскаго суда, хотя бы намѣстники или волостели, ихъ опредѣлившіе, и имѣли сами это право. Тіуны поручавшіяся имъ судныя дѣла рѣшали самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства въ ихъ судъ намѣстниковъ и волостелей. Дѣла же, превышавшія степень власти тіуновъ, они, произведя судъ, прямо отъ себя представляли для доклада и рѣшенія въ Москву или въ удѣлы.

Особые волостели, носившіе названія: посельскихъ, ловчихъ, данщиковъ, слободчиковъ или просто волостелей, почти никогда не разсматривали дѣлъ о душегубствѣ, а иногда и дѣлъ о разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ. По этому лица, жившія въ присудахъ особыхъ волостелей и имъ подсудныя, подлежали по дѣламъ о душегубствѣ, а иногда по дѣламъ о разбоѣ и татьбѣ, не суду своихъ особыхъ волостелей, а суду намѣстниковъ или главныхъ волостелей по принадлежности, смотря по тому, въ округѣ кого изъ нихъ лежало то или другое особое волостельство. По указанному нами основанію, и виры, взыскивавшіяся съ особыхъ волостельствъ въ случаѣ неотысканія убійцъ, поступали всегда не къ особымъ волостелямъ, а къ намѣстникамъ и главнымъ волостелямъ, въ округѣ коихъ лежало особое волостельство, гдѣ случилось душегубство.

Власть губныхъ старостъ была, напротивъ, весьма обширна и касалась всѣхъ безъ исключенія сословій. Губные старосты, не сносившись съ Москвою, могли сами казнить смертію разбойниковъ, вѣдомыхъ татей и душегубцевъ, отвѣтствуя въ произнесеніи смертныхъ приго-

воровъ только предъ собственною совѣстью. Въ своихъ грамотахъ, царь Іоаннъ Грозный, предоставляя губнымъ старостамъ такое неограниченное право казнить смертію, говоритъ: „то есми положилъ на душахъ вашихъ, а вамъ отъ меня въ томъ опалы нѣтъ“. (Ак. эк. Т. I №№ 187 и 194, I).

Губные старосты въ своихъ участкахъ, именно въ городахъ, посадахъ и волостяхъ, разбирали, въ составѣ трехъ или четырехъ человѣкъ, только невеликія разбойныя и татебныя дѣла; важныя же дѣла этого рода рѣшались, какъ мы уже сказали, губными старостами всего уѣзда на общемъ ихъ съѣздѣ. Если случалось, что они переносили дѣла въ Москву, то, кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ указаній, о чемъ скажемъ ниже, не иначе, какъ по причинѣ встрѣченнаго ими самими какого либо затрудненія въ рѣшеніи этихъ дѣлъ. Въ наказахъ губнымъ старостамъ постоянно говорилось: „ а въ чемъ будетъ вамъ, въ которомъ дѣлѣ, невозможно управу учинити, и вы бъ о томъ отписывали къ нашимъ боярамъ, которымъ приказаны разбойныя дѣла, и бояре наши о тѣхъ дѣлѣхъ докладываютъ Меня Царя и Великаго Князя, да вамъ въ тѣхъ дѣлѣхъ указъ учинятъ.“ (Ак. эк. Т. I № 224).

Излюбленные судьи были судьями одного крестьянскаго сословія, и судебная власть ихъ надъ крестьянами не превышала власти намѣстниковъ и волостелей безъ права боярскаго суда, т. е. касалась однихъ маловажныхъ дѣлъ. Лица другихъ сословій, проживавшія въ участкахъ излюбленныхъ судей, какъ то бояре, дѣти боярскія и дворяне, не подлежали суду излюбленныхъ

судей, когда были по дѣлу отвѣтчиками, а не истцами, и судились въ Москвѣ, въ Судныхъ Приказахъ Московскомъ и Владимірскомъ, какъ объяснимъ о томъ ниже. Съ исками же на крестьянъ обращались къ излюбленнымъ судьямъ лица всѣхъ сословій. Но иногда, хотя очень рѣдко, излюбленнымъ судьямъ, кромѣ отнесенія къ ихъ вѣдомству маловажныхъ дѣлъ, давалась еще и власть, предоставленная губнымъ старостамъ. Въ такомъ случаѣ излюбленные судьи также могли казнить смертію разбойниковъ, татей и душегубцевъ, если только эти преступники принадлежали къ лицамъ крестьянскаго сословія. (Ак. эк. Т. I №№ 234 и 250). Остальнымъ излюбленнымъ судьямъ, неимѣвшимъ губнаго права, дозволялось кое гдѣ участвовать въ смѣсныхъ судахъ съ губными старостами по дѣламъ разбойнымъ, татебнымъ и душегубнымъ, касавшимся крестьянъ. (Ак. эк. Т. I № 257).

Вотчинные судьи получали право судить не вслѣдствіе одного фактическаго владѣнія вотчиною, но всякій разъ вслѣдствіе особаго пожалованія этого права Верховною властію. Въ XIV и XV вѣкахъ вотчиннымъ судьямъ предоставлялась судебная власть большею частію по всѣмъ безъ исключенія гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, возникавшимъ въ ихъ вотчинахъ и между ихъ крестьянами. Власть эта вполнѣ соотвѣтствовала власти намѣстниковъ и волостелей, имѣвшихъ право *неболрскаго* суда. Полномочіе же боярскаго суда никогда не давалось вотчиннымъ судьямъ. По этому дѣла о разбоѣ и татьбѣ они обязаны были, разсмотрѣвъ, представлять на рѣшеніе въ Москву или къ удѣльнымъ кня-

зьямъ. Такъ напр., въ 1455 году, встрѣчается постановленіе, чтобы вотчинныя дѣла Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, о разбоѣ и татьбѣ, послѣ суда, докладывались Дмитровскому Князю Юрію Васильевичу (брату Іоанна III): „а судивъ того, сказано въ постановленіи, да доложатъ меня Князя Юрія Васильевича и азъ того самъ дозрю.“ (Ак. эк. Т. I № 373). Дѣла о душегубствѣ въ XV вѣкѣ весьма рѣдко представлялись разбирательству вотчинныхъ судей. Въ XVI же вѣкѣ дѣла о душегубствѣ, разбоѣ и татьбѣ съ поличнымъ, послѣ учрежденія губныхъ старостъ, были повсемѣстно исключены изъ вѣдомства вотчинныхъ судей.

6) Отводъ судей.

Прямаго закона объ отводѣ судей мы не встрѣчаемъ ни въ XIV, ни въ XV и въ XVI столѣтіяхъ, но практикою очевидно такой отводъ допускался. Примѣръ такой практики представился въ 1596 году: по иску игумена Богоявленскаго монастыря въ Важскомъ уѣздѣ Даніила, предъявленному къ Хаманемскимъ волостнымъ крестьянамъ на право владѣнія островомъ на рѣкѣ Вагѣ, излюбленный судья Василій Леонтьевъ, дружа и паровя крестьянамъ, судныя рѣчи велѣлъ записывать церковному дьячку, а не выборному земскому дьячку, и, на судѣ поспоривъ съ товарищами, съ суда съѣхалъ. По жалобѣ на все это игумена Даніила и по удостовѣреніи въ ея справедливости, означенное дѣло передано было на разсмотрѣніе другимъ излюбленнымъ судьямъ

Шенкурскаго стана (Ак. ист. Т. I № 248). Впослѣдствіи, именно въ 1620 году, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, явилось постановленіе объ отводѣ, но оно касалось однихъ губныхъ старостъ. Отводъ ихъ дозволялся впрочемъ лишь со стороны истцовъ, а не обвиняемыхъ, и притомъ заподозрѣнный староста не устранялся вовсе отъ дѣла, а къ нему для сужденія по этому дѣлу присоединялся другой губной староста. Вотъ текстъ самаго закона: „а учнутъ истцы бити челомъ на губнаго старосту недружбою или поноровкою къ своему иску, и у того дѣла съ тѣмъ губнымъ старостою, на котораго бьютъ челомъ, велѣти быти иного города губному старостѣ.“ (Ак. ист. Т. III № 167 ст. 61).

Такимъ образомъ, отводъ губныхъ старостъ, собственно говоря, не допускался, излюбленныхъ же судей не запрещалось отводить, т. е. совершенно устранять отъ сужденія по дѣлу. Замѣчательно, что отводы судей въ той формѣ, въ какой они у насъ существовали въ старину, т. е. превращеніе одноличнаго суда заподозрѣннаго губнаго старосты въ коллегіальный, и прямое устраненіе отъ судебнаго разбирательства излюбленнаго судьи, происходили не предъ разсмотрѣніемъ иска, а во время самаго его разбора. Единственной причиной такихъ отводовъ выставлялась недружба и поноровка; но вѣроятно на практикѣ принималось также въ расчетъ при отводахъ и родство судей съ участвовавшими въ дѣлѣ лицами, хотя объ этомъ мы не находимъ никакихъ указаній въ нашихъ актахъ.

7) Должностныя лица, состоявшія при судьяхъ.

При мѣстныхъ правительственныхъ судьяхъ находились: судные мужи, дьяки, доводчики и праветчики, палачи и бирючи.

а). *Судные мужи.*

У намѣстниковъ, волостелей и ихъ тіуновъ, а также у губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей постоянно въ судѣ сидѣли судные мужи, и безъ нихъ не велѣно было производить никакого суда. (Ак. ист. Т. I № 153 ст. 69). Присутствованіе на судѣ „судныхъ мужей“ составляетъ установленіе весьма важное, и намъ необходимо обратить на него особенное вниманіе.

Намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ тіунамъ постоянно предписывалось въ уставныхъ грамотахъ не судить суда безъ сотскаго, старосты, дворскаго и лучшихъ людей. Но назначались ли эти лучшіе люди для присутствованія въ судѣ по выбору общинъ или по указанію самихъ судей сначала опредѣлено не было. Впослѣдствіи, со времени Іоанна Грознаго, судные мужи выбирались для означеннаго дѣла по волостямъ и приводились къ присягѣ въ томъ, „что имъ на судѣ всякаго дѣла беречи въ правду, по крестному цѣлованію, безъ всякія хитрости“. По этому-то такіе оберегатели судебной правды, выборные лучшіе люди, назывались судными цѣловальниками, т. е. присяж-

ными, которымъ велѣно быти на всякомъ судѣ. (Ак. эк. Т. I № 196; Ак. юр. № 27) *).

При Грозномъ опредѣленъ и порядокъ, въ какомъ судные мужи должны были являться въ судъ для исполненія своихъ обязанностей. Имъ предписывалось сидѣть въ судѣ поперемѣнно. Такъ напр., въ Керетской и Ковдинской волостяхъ (приморскихъ) было выбрано 6 судныхъ цѣловальниковъ. Изъ нихъ одна половина, т. е. три, сидѣли на судѣ у слободчика одинъ мѣсяцъ; за тѣмъ слѣдовала другая смѣна, также изъ трехъ человѣкъ и тоже сидѣла мѣсяцъ. Словомъ, велись двѣ мѣсячныя очереди, по три человѣка въ каждой (Ак. эк. Т. I № 196). Въ Усецкихъ и Заецкихъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда выбирались тоже при Грозномъ по два судныхъ цѣловальника на волость. (Ак. эк. Т. I № 243). Въ Заонежскихъ погостахъ у излюбленныхъ судей въ 1598 году сидѣло по 5 и 6 цѣловальниковъ. (Ак. эк. Т. II № 30).

Судные мужи, иначе судные цѣловальники, присутствуя при разбирательствахъ дѣлъ въ судѣ, по окончаніи ихъ, прикладывали руки къ подлиннымъ судным спискамъ, въ которыхъ излагался процессъ суда, и которые, при судѣ намѣстниковъ и волостелей, писались земскими выборными дьяками. Эти списки, по

*) Названіе „цѣловальники“ было общимъ для многихъ выборныхъ должностей, такъ напр. были цѣловальники тюремные, кабацкіе и пр.; цѣловальники, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, не имѣли ничего общаго съ другими цѣловальниками. Они были собственно судные цѣловальники.

приложеніи къ нимъ рукъ дворскими, старостами и вообще цѣловальниками, хранились у намѣстниковъ и волостелей; копіи же съ этихъ списковъ (противни) писались намѣстничьими или волостелиными дьяками и хранились, по приложеніи къ нимъ рукъ со стороны намѣстниковъ или волостелей, у судныхъ мужей, сидѣвшихъ въ судѣ.

На судѣ у губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей сидѣли тоже судные мужи, т. е. лучшіе люди, цѣловальники. Изъ нихъ, сидѣвшіе на судѣ у губныхъ старостъ, въ частности назывались еще и губными цѣловальниками (Ак. эк. Т. I № 281; Ак. юр. № 58).

Губныхъ цѣловальниковъ выбиралось человѣкъ 5 или 6 на волость (Ак. эк. Т. I № 187). Обязанность ихъ состояла не только въ томъ, чтобы присутствовать при производствѣ суда, но и въ томъ, чтобы розыскивать разбойниковъ и татей и исполнять разныя порученія губныхъ старостъ, какъ то: отвозить ихъ грамоты и самихъ преступниковъ въ другія губы къ другимъ губнымъ старостамъ, когда въ томъ встрѣчалась надобность (Ак. эк. Т. I № 281). Губные цѣловальники исполняли свою службу безъ перемѣны лѣтъ по 10 и болѣе. Впослѣдствіи, въ 1632 году, царь Михаилъ Ѳедоровичъ повелѣлъ выбирать губныхъ цѣловальниковъ только на одинъ годъ, и выбирать изъ людей добрыхъ и прожиточныхъ (Ак. эк. Т. III № 210).

Цѣловальники, сидѣвшіе на судѣ у губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, также подписывали судные списки; но самые списки эти составлялись уже не въ 2-хъ экземплярахъ, какъ при судѣ намѣстниковъ и

волостелей, а только въ одномъ экземплярѣ, который хранился у самихъ судей, и подписывался какъ судьями, такъ и цѣловальниками (Ак. ист. Т. I № 165).

Изъ всего изложеннаго видно, что судные мужи, иначе судные цѣловальники, не были судьями, а только *оберегателями правды* на судѣ, и свидѣтелями того, что на немъ происходило. Принаравливаясь къ современнымъ понятіямъ, можно сказать, что древніе наши судные цѣловальники были своего рода присяжные засѣдатели, обязанные удостовѣрить своею подписью *правильность судебнаго протокола*, т. е. подтверждать ею достовѣрность въ внесенныхъ въ судной списокъ фактовъ судебнаго слѣдствія, *безъ всякаго права судить о винѣ или невинности подсудимыхъ*. Разумѣется, отказъ ихъ подписать судной списокъ, какъ невѣрный, могъ обратить въ ничто и самый приговоръ, и довести дѣло до представленія на разбирательство въ Москву. По этому неудивительно, что нѣкоторые судьи, избѣгая такой невыгодной для себя гласности, введенной въ судъ чрезъ присутствованіе въ немъ выборныхъ отъ волостей и посадовъ цѣловальниковъ, не допускали ихъ иногда засѣдать при разбирательствѣ дѣлъ. Но на такія дѣйствія судей общины неупустительно приносили жалобы въ Москву, что судьи судятъ „не по суду, лучшимъ людямъ на судѣ у себя быти не велятъ,“—на что получались оттуда постоянныя предостереженія: „безъ цѣловальниковъ суда не судити никакого.“ (Ак. эк. Т. I № 196).

Итакъ, отправленіе правосудія не было у насъ въ

старину лишено своего рода гласности. Но гласность эту представляли собою лучшіе выборные люди отъ общинъ, оберегатели правды, хотя дѣла и не выводились. какъ нынѣ, на всеобщее позорище всякихъ случайныхъ зѣвакъ и любителей зрѣлищъ, менѣе всего помышляющихъ о правдѣ на судѣ.

б) *Дьяки.*

Дьяки были у намѣстниковъ и волостелей и ими назначались. Назывались они намѣстничьими или волостелиными дьяками.—При выборныхъ судьяхъ, т. е. при губныхъ старостахъ и излюбленныхъ судьяхъ, состояли земскіе выборные дьяки, выбиравшіеся по одному въ каждой волости. Ихъ приводили къ присягѣ по той же кресто-приводной записи, какъ и судей. Дьяки, какъ выборные, такъ и невыборные, занимались составленіемъ судныхъ списковъ и вообще письмоводствомъ. Дьяки, находившіеся при губныхъ старостахъ, назывались губными дьяками (Ак. юр. №№ 150, 196, 280).

в) *Доводчики, праветчики, палачи и бирючи.*

Доводчики и праветчики назначались къ должностямъ самими намѣстниками и волостелями. Обязанность доводчика состояла въ вызовѣ къ суду по приставнымъ грамотамъ подсудимыхъ, истцовъ, отвѣтчиковъ и свидѣтелей, а также въ содержаніи подъ арестомъ людей,

„бравшихся за пристава". Эти люди находились въ домѣ у доводчика подъ присмотромъ, а иногда и въ оковахъ. Праветчики занимались взысканіемъ денегъ посредствомъ правежа по судебнымъ рѣшеніямъ. Нерѣдко доводчикомъ и праветчикомъ бывало одно и то же лицо, называвшееся такъ или иначе, смотря по роду обязанностей, которыя оно исполняло въ данное время

У губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, вмѣсто доводчиковъ и праветчиковъ, находились для исполненія такихъ же обязанностей особые выборные цѣловальники, называвшіеся земскими приставами. Такъ напр., въ Рыболовлей Слободѣ Переяславскаго уѣзда, при губныхъ старостахъ, состоялъ „въ доводчиково мѣсто" особый выборный человѣкъ, принимавшій присягу, который обязанъ былъ „на поруки давать и на судѣ ставити" (Ак. эк. Т. I № 242; Ак, юр. №№ 23, 283).

Въ вѣдѣніи губныхъ старостъ находились также палачи, которые были впрочемъ только въ городахъ.

Для своихъ цѣлей, именно для поимки татей и разбойниковъ,губные старосты употребляли и бирючей, на которыхъ возлагались обязанности: „въ торговые дни по торжкамъ кликать не по одинъ день о царскихъ указахъ для всеобщаго свѣдѣнія и о разныхъ распоряженіяхъ властей, а также и о поимкѣ преступниковъ" (Ак. эк. Т. II № 22, 23; Ак. эк. Т. III №№ 50, 195, 199, 220, 252 и 287).

Вотчинные судьи имѣли тоже при себѣ тіуновъ, приказчиковъ и приставовъ, а митрополиты—и своихъ волостелей. (Ак. юр. № 7; Ак. эк. Т. I №№ 17, 18, 21, 23; Ак. ист. Т. I №№ 106, 215 и др.).

Названіе мѣстъ, гдѣ производили судъ намѣстники и волостели—неизвѣстно, мѣста же, въ которыхъ судили губные старосты, именовались губными избами, а мѣста, гдѣ засѣдали для суда излюбленные судьи, носили названія судныхъ избъ и судебень (Ак. эк. Т. II № 86; Ак. юр. №№ 45 и 231).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Центральная судебная власть.

Центральную или высшую судебную власть имѣли, какъ мы сказали прежде, введенные бояре, распредѣленные потомъ по Приказамъ, а также удерживали ее за собою удѣльные князья, великіе князья и цари.

Приказы въ Москвѣ образовывались постепенно. Въ жалованныхъ грамотахъ XIV и XV вѣковъ, относительно лицъ, которымъ онѣ жаловались, говорилось только: „сужу ихъ язъ, князь Великій, или боярин мой введенный, или дворецкій". Этимъ введеннымъ боярамъ и дворецкому, завѣдывавшему дворцовымъ вѣдомствомъ, поручалось, до учрежденія Приказовъ, рѣшеніе тѣхъ или другихъ судныхъ дѣлъ, переносившихся по чему либо въ Москву; но всякій разъ по личному указанію великихъ князей. Такая случайная вначалѣ передача дѣлъ мало по малу приняла наконецъ характеръ опредѣленнаго направленія въ распредѣленіи ихъ между

боярами, и такимъ образомъ незамѣтно въ теченіи столѣтій образовывались древніе наши Приказы, такъ что времени, когда они собственно возникли, опредѣлить невозможно.

Въ XVI столѣтіи упоминается съ точностію только о двухъ Приказахъ, именно о Приказѣ Большаго Дворца и о Разбойномъ Приказѣ. Но въ запискѣ о Приказахъ, составленной въ началѣ XVII вѣка, вѣроятно для королевича Владислава, избраннаго въ Москвѣ царемъ, исчисляются 19 Приказовъ, учрежденныхъ, безъ сомнѣнія, гораздо раньше. Эти Приказы были слѣдующіе: 1) Приказъ Большаго Дворца; 2) Приказъ Большаго Прихода; 3) Четверти Новгородская, Владимірская, Ярославская и Галицкая (Четвертной Приказъ); 4) Стрѣлецкій Приказъ; 5) Пушкарскій Приказъ; 6) Ловчій Приказъ; 7) Сокольничій Приказъ; 8) Приказъ Иноземцевъ; 9) Ямской Приказъ; 10) Конюшенный Приказъ; 11) Холопій Приказъ; 12 и 13) два Земскихъ Приказа; 14) Денежный Приказъ (Монетный); 15) Приказъ Челобитный; 16, 17 и 18) Судные Приказы Владимірскій, Дмитровскій и Рязанскій и 19) Разбойный Приказъ (Ак. ист. Т. II № 355). Къ этимъ Приказамъ слѣдуетъ присоединить еще 20-ый Приказъ Посольскій, о которомъ упоминается въ 1601 году при царѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ (Ак. эк. Т. II № 20) и 21-ый Приказъ сыскныхъ дѣлъ, о коемъ въ первый разъ говорится въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича (Ак. эк. Т. III № 163).

Всѣ эти Приказы, кромѣ порученнаго имъ спеціальнаго вѣдомства, иногда чисто административнаго, поль-

зовались еще и судебною властію въ назначенной для каждаго изъ нихъ мѣстности. Извѣстно, что каждому Приказу, на его содержаніе, приписывали городъ или нѣсколько городовъ съ уѣздомъ или съ частію уѣзда. Изъ такихъ то опредѣленныхъ территоріальныхъ округовъ, распредѣленныхъ между тѣми или другими Приказами, находившіеся тамъ намѣстники, волостели или излюбленные судьи должны были въ случаѣ надобности представлять всѣ судныя уголовныя и гражданскія дѣла въ тотъ изъ Приказовъ, которому данная мѣстность была приписана; такъ напр., судныя дѣла перепосились о посадскихъ людяхъ города Романова въ Посольскій Приказъ (Ак. эк. Т. III № 14); о посадскихъ людяхъ города Шуи—въ Четвертный Приказъ (Ак. эк. Т. II №52); о посадскихъ и волостныхъ крестьянахъ всего Важскаго уѣзда и о Переяславскихъ рыболовахъ—въ Приказъ Большаго Прихода (Ак.эк. Т. I №№ 234 и 242), а о крестьянахъ Тверскаго Спасопреображенскаго монастыря—въ Приказъ Большаго Дворца (Ак. эк. Т. II № 18) и проч.

Такимъ образомъ, Приказы, при своемъ иногда общемъ значеніи для цѣлой Россіи, касательно порученныхъ имъ дѣлъ административнаго вѣдомства, въ частности, по отношенію къ производству суда, представляли учрежденія мѣстныя, хотя и находившіяся въ Москвѣ, но вѣдавшія внѣ ея болѣе обширными судебными округами, чѣмъ округи намѣстниковъ, волостелей, губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей.

Вслѣдствіе такого участія Приказовъ въ рѣшеніи судныхъ дѣлъ той или другой мѣстности, всѣ они, кромѣ

спеціально присвоенныхъ имъ наименованій, назывались и Приказами Судными, независимо отъ особыхъ Судныхъ Приказовъ Владимірскаго, Дмитровскаго и Рязанскаго. Это подтверждается слѣдующими доводами:

Въ книгѣ Разбойнаго Приказа встрѣчается постановленіе царя Ѳедора Ивановича объ отсылкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ „въ Судный Приказъ, гдѣ кто судимъ“ (Ак. ист. Т. Ш № 167 ст. 18). Выраженіе этого постановленія „гдѣ кто судимъ“ указываетъ на общее распредѣленіе подсудности между Приказами и на общее наименованіе ихъ судными, потому что упомянутаго выраженія никакъ нельзя относить только къ спеціально называвшимся Судными Приказами Владимірскому, Дмитровскому и Рязанскому, судившимъ, какъ скажемъ ниже, лишь лицъ высшихъ сословій; въ книгѣ же Разбойнаго Приказа, въ выраженіи „гдѣ кто судимъ“, разумѣется всякій, обвинявшійся въ разбойномъ и татебномъ дѣлѣ, слѣдовательно и лица низшихъ сословій. По этому нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ Приказы, какія бы ни были ихъ особыя названія, по отношенію порученнаго имъ производства суда, именовались еще и Судными Приказами. (Ак. эк. Т. I № 150 ст. 7; Ак. ист. Т. IV № 186; о Россіи Котошихина ст. 95 и 98).

Изъ всѣхъ поименованныхъ выше Приказовъ, существовавшихъ по всей вѣроятности въ XVI и даже въ XV вѣкахъ, разсмотримъ съ возможною подробностію только нѣкоторые болѣе важные изъ нихъ, а именно: 1) Разбойный Приказъ; 2) Судные спеціальные Приказы; 3) Приказъ Большаго Дворца; 4) Приказъ Большаго Прихода и 5) Приказъ сыскныхъ дѣлъ.

а) *Разбойный Приказъ.*

Въ первый разъ упоминается о Разбойномъ Приказѣ въ 1539 году, въ Бѣлозерской губной грамотѣ (Ак. эк. т. I № 187). Въ этой грамотѣ предписывалось губнымъ старостамъ, послѣ казни разбойниковъ, отписывать объ оставшихся, за удовлетвореніемъ истцовъ, разбойничьихъ животахъ въ Москву боярамъ, которымъ разбойныя дѣла приказаны, именно боярину Ивану Даниловичу Пенкову съ товарищами. Впрочемъ, нельзя утверждать, что Разбойный Приказъ образованъ только въ 1539 году, потому что въ указанной выше грамотѣ не говорится объ этомъ приказѣ, какъ о чемъ либо новомъ.

Въ 1541 году, Разбойнымъ Приказомъ завѣдывалъ боярин Иванъ Григорьевичъ Морозовъ съ товарищами. (Ак. эк. т. I № 194). Въ 1571 году, въ наказѣ Бѣлозерскимъ губнымъ старостамъ, Разбойный Приказъ названъ Разбойною Избою, въ которой засѣдали также бояре; но такое названіе было только случайное, такъ какъ въ концѣ этого же наказа сказано: „а съ разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ имать пошлинъ по 2 алтына съ рубля, да тѣ пошлины присылать въ Москву въ Разбойный Приказъ“ (Ак. эк. т. I № 281).

Въ записи XVII вѣка для королевича Владислава, о которой мы упомянули выше, вѣдомство Разбойнаго Приказа опредѣлено такъ: „тамъ бояре и дьяки сыскиваютъ всякихъ злодѣевъ“. Олеарій, въ своемъ сочиненіи о Россіи XVII вѣка, говоритъ, что Разбойный При-

казъ вѣдалъ всякаго рода грабительства, происходившія на улицахъ (вѣроятно въ Москвѣ), убійства, воровства и насилія, и что здѣсь производили о томъ слѣдствія, пытали подозрѣваемыхъ лицъ и, смотря по роду преступленій, назначали виновнымъ наказанія (Архивъ Калачова 1859 г. кн. V стр. 27).

Всѣ эти опредѣленія несовсѣмъ точны. Вѣдомство Разбойнаго Приказа совершенно соотвѣтствовало предметамъ вѣдомства, порученнымъ губнымъ старостамъ, т. е. онъ разсматривалъ сперва только разбойныя, а потомъ татинныя и душегубныя дѣла. Но кромѣ дѣлъ, поступавшихъ по какимъ либо причинамъ отъ губныхъ старостъ, Разбойный Приказъ непосредственно завѣдывалъ всѣми дѣлами о стрѣльцахъ, обвинявшихся въ разбояхъ, въ какихъ бы городахъ стрѣльцы не стояли, а также вѣдалъ судомъ губныхъ старостъ, губныхъ цѣловальниковъ и губныхъ дьяковъ (Ак. ист. Т. III № 92, V и 167 ст. 60).

Разсмотрѣніе всѣхъ указанныхъ намн дѣлъ по цѣлой Россіи давало Разбойному Приказу общее государственное значеніе. Но были и нѣкоторыя исключенія, о которыхъ скажемъ ниже. Такъ напр., въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, разбойники, пойманные на преступленіи въ самой Москвѣ, судились уже не въ Разбойномъ. а въ Земскомъ Приказѣ (о Россіи Котошихина стр. 89).

Сообразно съ общимъ устройствомъ всѣхъ нашихъ Приказовъ, къ Разбойному Приказу также была приписана въ уѣздахъ извѣстная территорія, для которой онъ былъ не Разбойнымъ только, но и мѣстнымъ Судным ъ

Приказомъ, т. е. вѣдалъ въ ней какъ гражданскія суд ныя дѣла, такъ и маловажныя дѣла уголовныя (Ак. ист. Т. III № 167 стр. 310).

б) *Приказы Судные.*
(Спеціальные)

Въ записи, составленной около 1610 года для королевича Владислава, упоминается о трехъ спеціальныхъ Судныхъ Приказахъ, именно Владимірскомъ, Дмитровскомъ и Рязанскомъ, изъ коихъ въ каждомъ было по боярину и дьяку (Ак. эк. Т. II № 355). Но Олеарій и Котошихинъ говорятъ уже только о двухъ Судныхъ Приказахъ, о Владимірскомъ и Московскомъ. Въ этихъ двухъ Приказахъ, по свидѣтельству лѣхъ же лицъ, непосредственно начинались, минуя мѣстныхъ судей, судныя дѣла только о лицахъ высшихъ сословій съ тою разницею, что во Владимірскомъ Приказѣ вѣдались судомъ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, а въ Московскомъ (вѣроятно составившемся изъ прежнихъ Приказовъ Дмитровскаго и Рязанскаго) судились стольники, стряпчіе, дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники свѣтскаго званія. По дѣла о всѣхъ поименованныхъ лицахъ тогда только непосредственно начинались въ Москвѣ, въ Судныхъ Владимірскомъ или Московскомъ Приказахъ, когда лица эти являлись или подсудимыми не по разбойнымъ или татебнымъ дѣламъ, или отвѣтчиками по искамъ; если же лица высшихъ сословій были сами истцами и искали чего либо съ крестьянъ, то такія дѣла, какъ гражданскія такъ и уго-

ловныя, производились и разбирались у мѣстныхъ излюбленныхъ судей, а отъ нихъ могли уже переноситься въ тотъ или другой изъ общихъ Судныхъ Приказовъ, смотря по тому, которому изъ нихъ та мѣстность, гдѣ дѣла эти возникали, была приписана.

в) *Приказъ Большаго Дворца.*

Означенный Приказъ, завѣдывая повсемѣстно за отбываніемъ тягла и сборомъ разныхъ повинностей съ крестьянъ великокняжескихъ и царскихъ селъ и деревень, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ общемъ смыслѣ и судным Приказомъ относительно этихъ самыхъ крестьянъ, какъ по возникавшимъ между ними, такъ и по предъявлявшимся къ нимъ искамъ лицами другихъ сословій, низшихъ и высшихъ. — Кромѣ того, Приказъ Большаго Дворца спеціально вѣдалъ судныя дѣла всѣхъ монастырскихъ вотчинъ. Въ видѣ исключенія, всѣ дѣла разбойныя и татебныя царскихъ подклѣтныхъ селъ Переяславскаго уѣзда, если разбой или татьба совершались въ этихъ селахъ пріѣзжими иногородными людьми, отсылались всегда отъ губныхъ старостъ послѣ суда для доклада не въ Разбойный Приказъ, а въ Приказъ Большаго Дворца. Главное лицо, завѣдывавшее этимъ Приказомъ, называлось дворецкимъ. (Ак. эк. Т. I №№ 201, 208, 209, 240, 257 и 259; Ак. эк. Т, III № 250; Ак. ист. Т. I № 165, Ак. ист. Т, II № 355).

г. *Приказъ Большаго Прихода.*

Приказъ этотъ завѣдывалъ денежными земельными сборами, мытомъ, тамгой, вѣсами и пр. по всей Россіи.

Лица, управлявшія означеннымъ Приказомъ, назывались казначеями. Съ 1549 по 1596 годъ имъ управляли казначеи Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ, Иванъ Петровичъ Головинъ и боярин князь Иванъ Васильевичъ Спцкій. Приказъ Большаго Прихода, вѣдая государственными доходами по цѣлой Россіи, былъ въ тоже время и мѣстнымъ Судным Приказомъ для мѣстности въ судебномъ отношеніи ему подчиненной, именно для всего Важскаго уѣзда и для Усецкихъ и Заецкихъ волостей Устюжскаго уѣзда. Замѣчательно, что изъ Важскаго уѣзда и означенныхъ волостей Устюжскаго уѣзда всѣ разбойныя дѣла посылались не въ Разбойный Приказъ, а въ Приказъ Большаго Прихода (Ак. эк. Т. I №№ 223, 226, 230, 234, 242, 243, 254, 263, 342, 362, и 366; Ак. ист. Т. II № 355; о Россіи Котошихина стр. 83).

д) *Приказъ Сыскныхъ дѣлъ.*

О Приказѣ сыскныхъ дѣлъ упоминается въ первый разъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича (Ак. эк. Т. III № 163). Приказъ этотъ былъ учрежденъ собственно для сыска бѣглыхъ посадскихъ тяглыхъ людей, вышедшихъ изъ посадовъ во время московскаго разоренія при самозванцахъ и перешедшихъ для уклоненія отъ тягла на житье за монастырями, боярами и другими вотчинниками. Такъ какъ отъ этого произошелъ большой ущербъ въ доходахъ казны, то такихъ посадскихъ людей велѣно было отыскивать повсемѣстно и водворять на тяглѣ въ прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства. За

новое же уклоненіе отъ тягла, послѣ водворенія въ посадѣ, виновныхъ въ томъ посадскихъ людей велѣно было ссылать въ Сибирь (Ак. эк. Т. III №№ 279 и 311). Впослѣдствіи, тоже при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, производилось въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ кажется и дѣло объ измѣнѣ боярина Шеина (Ак. эк. Т. III №№ 251, 346, 347, 348, и 349). Но это представляло только исключеніе, потому что значеніе разсматриваемаго нами Приказа, какъ мѣста для отысканія уклонявшихся отъ несенія тягла людей, подтверждается и цѣлымъ рядомъ грамотъ царя Алексѣя Михайловича (Ак. эк. Т. IV №№ 32, 35, 39 и 158). Впрочемъ Катошихинъ не упоминаетъ объ этомъ Приказѣ.

Все изложенное нами о Приказахъ устраняетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что хотя при нихъ и оставалось болѣе или менѣе общее, или даже частное, значеніе по порученнымъ имъ отдѣльнымъ административнымъ вѣдомствамъ, но что въ то же время всѣ административные приказы составляли и судебныя учрежденія для лицъ низшихъ сословій въ отведенной каждому изъ такихъ приказовъ мѣстности. Общее для всей Россіи, впрочемъ спеціальное, значеніе, въ смыслѣ отправленія правосудія, хотя и съ нѣкоторыми изъятіями, имѣли лишь Разбойный Приказъ, Судные Приказы Владимірскій и Московскій и Приказъ Большаго Дворца: такъ Разбойный Приказъ вѣдалъ исключительно дѣла разбойныя, татинныя и душегубныя; Судные Приказы Владимірскій и Московскій вѣдали только судныя дѣла свѣтскихъ лицъ высшаго сословія, а Приказъ Большаго Дворца разсматривалъ судныя дѣла,

возникавшія во всѣхъ монастырскихъ вотчинахъ. Но вообще значеніе Разбойнаго Приказа было нѣсколько ограничено тѣмъ, что дѣла о разбояхъ и татьбахъ, совершавшихся въ самой Москвѣ, съ XVII вѣка разбирались въ Земскомъ Приказѣ, разбойныя же дѣла царскихъ селъ Переяславскаго уѣзда—въ Приказѣ Большаго Дворца, а такія-же дѣла, происходившія въ Важскомъ уѣздѣ и въ Усецкихъ и Заецкихъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда—въ Приказѣ Большаго Прихода.

Каждымъ изъ всѣхъ выше поименованныхъ Приказовъ завѣдывали бояре или окольничіе съ 2-мя или однимъ дьякомъ, исключая Четвертей, которыя находились въ вѣдѣніи однихъ дьяковъ.

Приказы рѣшали не всѣ дѣла самостоятельно, но нѣкоторыя изъ нихъ докладывали Великимъ князьямъ и царямъ, и ихъ приговоры приводили въ исполненіе.

При всѣхъ Приказахъ состояли дьяки, подьячіе, недѣльщики и данные пристава.

Что касается дьяковъ и подъячихъ, то значеніе первыхъ, какъ главныхъ дѣлопроизводителей, и вторыхъ, какъ лицъ занимавшихся письмоводствомъ въ Приказахъ, т. е. „съ черна на чисто переписывавшихъ,“ какъ сказано въ Судебникѣ 1550 года—не требуетъ особаго разъясненія; но о недѣльщикахъ необходимо поговорить подробнѣе.

Недѣльщики, выбиравшіеся изъ лицъ низшаго сословія, составляли при Приказахъ *) отдѣльныя ар-

*) Прим. Кромѣ Приказовъ недѣльщики были еще въ Новгородѣ (Ак. юр. № 44).

тели съ обязанностію за установленное вознагражденіе отбывать ту самую службу, которая въ уѣздахъ возлагалась на доводчиковъ. Недѣльщиками они назывались потому, что отправляли свои обязанности очередью, по недѣлямъ. Всякая артель недѣльщиковъ записывалась дьякомъ того Приказа, при которомъ состояла, въ особую книгу. Въ этой книгѣ подробно обозначалось сколько было участниковъ (заговорщиковъ) „въ заговорѣ“ (т. е. въ артельномъ договорѣ), сколько каждый участникъ имѣлъ у себя ѣздоковъ. условившихся ѣздить отъ него съ приставными грамотами. Каждому участнику „въ заговорѣ“ т. е. недѣльщику дозволялось впрочемъ держать не болѣе семи ѣздоковъ (Ак. ист. т. I № 153 ст. 47). Словомъ, сами „заговорщики“, т. е. недѣльщики, были хозяева, а ѣздоки — нанятые ими работники.—Какъ недѣльщики, такъ и ихъ ѣздоки развозили изъ своихъ Приказовъ въ уѣзды приставныя грамоты истцамъ и отвѣтчикамъ, доставляли „правду“ на судъ, т. е. представляли къ дню судоговоренія свидѣтелей, на которыхъ ссылались стороны, приводили къ допросу разбойниковъ и татей, и содержали ихъ у себя подъ арестомъ. Недѣльщики допускались къ исполненію своихъ обязанностей не иначе, какъ по поручнымъ записямъ. Въ этихъ записяхъ поручители ручались, что за ихъ порукою недѣльщики „будутъ дѣлать недѣли въ правду, по крестному цѣлованію, посуловъ и помнокъ не имать, корчмы, блядни, татьбы, зерщиковъ, подмѣтчиковъ и татей у себя не держать и колодникамъ не наровить‘ а истцовъ и отвѣтчиковъ не волочить“. Въ случаѣ не-

исполненія недѣльщиками всего вышеизложеннаго поручители обязывались платить пеню по усмотрѣнію Государя. (Ак. юр. № 289).

Въ нашихъ актахъ упоминается еще, кромѣ того, о площадныхъ недѣльщикахъ. Неизвѣстно составляли ли они особый разрядъ недѣльщиковъ, или же были тѣ же самые приказные недѣльщики, тольке выходившіе на площадь для посылокъ со стороны истцовъ по частному найму. (Ак. эк. Т. I №№ 259 и 318).

Къ числу лицъ, состоявшихъ большею частію при Приказѣ Большаго Дворца, слѣдуетъ отнести и данныхъ приставовъ. Эти пристава назначались особыми жалованными трамотами Великихъ, а иногда удѣльныхъ князей, преимущественно по монастырямъ. (Ак. эк. Т. I №№ 154, 159, 171, 175, 189, 198, 259, 368, 386; Ак. ист. Т. I №№ 119 и 125). Великіе князья жаловали имъ такихъ приставовъ съ „Дворца“ т. е. съ Приказа Большаго Дворца, въ которомъ, какъ сказано было выше, вѣдались всѣ судныя дѣла, возникавшія въ монастырскихъ вотчинахъ.

Обязанность данныхъ приставовъ была та же, что и недѣльщиковъ: они ѣздили въ Москву за приставными грамотами, если искъ начиналъ тотъ монастырь, при которомъ они состояли, если же онъ былъ только отвѣтчикомъ въ дѣлѣ, то вѣроятно приставныя грамоты привозили къ даннымъ приставамъ обыкновенные недѣльщики. Одни только данные пристава могли отдавать монастырскихъ крестьянъ на поруки и сроки имъ чинить къ суду. „А опричь даннаго пристава, говорится въ грамотахъ, по игумена и по братью и по мо-

настырскихъ людей и отъ монастырскихъ людей и отъ старцевъ иные приставове по нихъ съ приставными не ѣздятъ и на поруки ихъ не даютъ и сроковъ имъ къ Москвѣ не чинятъ".

Монастыри большею частію сами указывали на лицъ, коихъ желали имѣть у себя приставами. Нерѣдко, по просьбамъ монастырей, данные пристава и смѣнялись. Такъ напр., игуменъ и братія Зосиминой пустыни (въ Клинскомъ уѣздѣ) въ 1540 году жаловались Великому князю Ивану Васильевичу, что данный ихъ приставъ Тихонъ Колубаевъ, „имъ нелюбъ, дѣлъ монастырскихъ не бережетъ и старцевъ и слугъ монастырскихъ продаетъ, и что имъ любъ другой—Михалко Васильевъ", который вслѣдствіе этого и былъ назначенъ имъ приставомъ (Ак. эк. Т. I № 189).

Данные пристава кажется постоянно жили при монастырскихъ имѣніяхъ. Ѣздить постоянно изъ Москвы было для нихъ не удобно. Притомъ, имъ, кромѣ прямыхъ ихъ обязанностей, поручались иногда такія дѣла, которыя требовали безотлучнаго ихъ присутствія въ монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ. Такъ, напримѣръ, данный приставъ Зосиминой пустыни Михалко Васильевъ обязанъ былъ задерживать людей, самовольно рубившихъ монастырскій лѣсъ, и представлять ихъ на судъ въ Москву (Ак. эк. Т. I № 189). На данныхъ приставовъ Троицко-Сергіева монастыря, для Бѣжицкихъ его вотчинъ, подъячаго Гридю-Бѣлаго, и Владимірскаго Дмитріевскаго Собора, подъячаго Гридю-Ѳеодорова—возложено было задерживать всякихъ ѣздоковъ, проѣзжавшихъ чрезъ монастырскія и церковныя деревни и тре-

бовавшихъ насильно съ крестьянъ кормовъ, подводъ и проводниковъ, и представлять такихъ ѣздоковъ на судъ въ Москву (Ак. эк. Т. I №№ 159 и 198). Все это, а также и жалоба игумена Чухломскаго Покровскаго монастыря въ 1518 году великому князю Василію Ивановичу, что монастырскій данный приставъ Ивашко Михалевъ „живетъ въ отсылкахъ"—удостовѣряютъ, что данные пристава должны были жить не въ Москвѣ, а при монастырскихъ и церковныхъ вотчинахъ (Ак., ист. Т. I № 125).